

Валерий Бодров

Бледное солнце

Сборник рассказов

2020 год

18+

Валерий Бодров

**Бледное солнце.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бодров В. В.

Бледное солнце. Сборник рассказов / В. В. Бодров — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В этой книге пять рассказов о любви. О любви разной, иногда смешной, иногда грустной, но все они непременно порадуют читателя необычными образами и узнаваемыми персонажами.

Содержание

У моря	5
Открытие	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Валерий Бодров

Бледное солнце. Сборник рассказов

У моря

Час на самолёте до Симферополя пролетел незаметно. Даже любимая книжка – вечная спутница, распахнув свои корки для очередной встречи, с вынутым кляпом закладки, не сказала, ни слова. Я уже предвкушал сахарный вкус «Кокура» и туманнозелёную Ялту, куда и добрался по прилёту, через несколько часов. Не желала душа наблюдать дома агонию красок осени под однообразным утренним снежком: серо-розовое изношенное осадками небо, с летящими из остывающего воздуха, слипшимися белыми хлопьями; мыльную кашницу из ледышек под ногами, не предвещавший ничего хорошего, парок изо рта.

Решился я на поездку сразу, как только, сквозь сон позавчерашней одинокой, полной воспоминаний и дремотных провалов, ночи, услышал размеренный призывный набат ещё тёплых волн о знакомую набережную. Солёные брызги, протёкшие на губы разбудили меня. И вот я приехал навстречу к ним: к влажным пальмам, шороху гальки, к мнимому горизонту, обозначающему свои границы в зависимости от воздушно-капельного настроения. Приехал на несколько дней без всякой особой надобности и сразу лёгким шагом направился вдоль знакомой каменистой речки к морю.

Сон мой, подсвеченный внезапно вышедшим солнышком, обернулся явью, натурой. Звучающими улицами. Продавщицей мороженого с голубым пингвином на морозильном ящике, встречными улыбчивыми лицами, дворнягой, лежащей на лужайке подстриженного газона.

Ялта ещё дышала теплом. И, чтобы почувствовать это дыхание, и унять волнительную дрожь от незапланированной встречи с ней, я присел на скамейку. Сквозь уже почти расступившуюся листву, в просвете площадного пространства, за ажурным заборчиком, с неё было видно всё в блёстках, ещё беззвучное полотно воды.

О чем думают в таких случаях? О чём говорят в таких случаях? Наверное, это и есть то безмолвное состояние души, когда ей не нужно прятаться и выдавать в эфир словесные обманки. Не нужно таиться в укромных углах и чуланах собственного «Я». Всё открыто: даже мифический третий глаз, исследуя пространство, имеет возможность заглянуть за ту сакральную черту между величиной неба и толщиной воды, где, как мне кажется, и живёт сказка.

После солёного рукопожатия (полы пальто тоже приняли участие) и внезапного омовения ног (волна дулетом, обогнав сама себя, проникла в ботинок) приветствие было закончено. Я отправился за завтраком в ближайшее кафе.

Массивная деревянная дверь с разноцветными витражами, впустила меня, а затем и подтолкнула в полутьму с красными пятнами абажуров на столиках. Здесь нашлось и моё любимое вино, и неизменное пюре с почти хлебной котлеткой, и говорливый собеседник – картофельный нос, с украинским вкусом потреблявший бутерброды с салом и водкой.

Этот, не по сезону отдыхающий с набитым ртом, уверял меня, что ещё вчера он плавал, и вода – блаженство. Допил свой графинчик, шумно встал и, махнув для приличия мне рабочей пятернёй, пошёл расплачиваться к бару.

А что я ещё хотел увидеть в курортном городе? Но ведь что-то же хотел! Припомнился мне один знакомый знакомого в местечке под названием Гаспра. Мы с женой невообразимое количество лет назад отдыхали у них, снимали комнату. Вроде он был... санитарным врачом. Собирал коньячную дань с местных санаториев и подписывал разрешения на работу. Конечно, приглашал, конечно! Но я, не был уверен, что он теперь вспомнит нашу влюблённую пару.

Однако, после часовой прогулки по знакомым парапетам, наглотавшись вместе с ветром воздуха воспоминаний, наполнив лёгкие растворёнными в здешней атмосфере йодом и солью, я взял такси в прошлое.

Дом моего врача найти было легко. Он стоял на развилке дорог. Под единственным балконом с каменными пузатыми балясинами этого эпохального особняка рос благородный лавр, а в самой излучине, почти у асфальта, остроконечный пирамидальный кипарис правильной формы. Всё оказалось на месте и даже приумножило массу и объём. Стены здания, некогда приютившие нас, постарели. Давно некрашенная штукатурка приобрела багровый южный загар, а в балконном окне вместо стёкол были вставлены крашенные белым катарактические фанерки.

Странно было проделывать тот же путь много лет спустя. Сердце лениво ежилось от уколов памяти: в день приезда мы с Соней тем тёплым вечером с экзотической жадностью пытались надрать впрок лавровых листьев. И всё нюхали их, нюхали, словно весь смак земли заключался в этой пряности.

В полутёмном единственном подъезде царил запах старого дерева и моя осторожная нога всё проваливалась к полу, никак не могла наступить на первую, ведущую к верху опору. Когда же это случилось, ступени пропели мне скрипучую песню в два пролёта с куплетом площадки, заваленной бывшими вещами.

«Опоз-з-здал с-с-сударь, опоз-з-здал...з-забыли м-мы, з-забыли».

Кнопка звонка отсутствовала. Я тихонько постучал. «В любом случае, – думал я, – ночлег тут можно найти, даже если...». Но через невнятную паузу дверь приоткрылась, и зависла нерешительно на середине пути, стыдливо показывая цинковое ведро и швабру, прислонённую к стене.

«Заходите, прошу Вас, – еле расслышал я, посаженный с прорывавшейся хрипотцой голос, – дверь прикройте плотнее – сквозняки».

Вопреки моим предположениям, он вспомнил нас, и даже был видимо рад, что именно я появился на пороге его квартиры. Долго вглядывался в моё лицо, поглаживая пальцами ощипанный подбородок: «Время, время...Вы не сильно изменились. А Ваша жена?» «Осталась дома», – ответил я, хотя даже сам почувствовал в своих словах фальшь.

Всё равно, всегда приятно знать, что где-то за тысячи километров чужая память хранит гипсовый отпечаток твоего благородного следа. И даже если случится вернуться, то история, оставленная здесь, будет светиться вокруг тебя ореолом подлинности, как у денежной купюры с большим достоинством, подставленной к инфракрасным лучам.

«Вроде не сезон? – Санитарный врач вопросительно посмотрел на меня, и, видя, как я достаю из портфеля бутылку марочного вина, поморщился и добавил, – Зря, зря вы это, лучше бы водки принесли, не переносу этот жжёный сахар». «Дак я...», – повернулся было к двери. «Стойте! Не нужно никуда ходить. У меня всё есть».

Мы просидели с ним до полуночи. Он рассказал мне историю расставания со своей супругой, я же умолчал свою. Потом он выдал мне простыни, одеяло, и устроил меня в гостиной на пузатом диванчике с откидывающимися воланами и полукруглой спинкой с овальным зеркальным глазом в деревянной её части, потерявшим от старости амальгаму. В то лето мы с Соней тоже тут спали. Худые были, как-то убирались оба в сие прокрустово ложе. И душа странно грезилась, понимая, чем бы ни наполнено было это пространство круга, но сегодня он сомкнулся в этой же диванной точке, откуда и начался.

Я лежал один при свете тусклой потолочной лампочки в пропахшей самшитовыми опилками комнате, (хозяин занимался резьбой по дереву). Разного роста фигурки толпились перед книгами во всех шкафах за стеклом и на всех открытых полках. Взгляд мой остановился на картине, которая свисала над диваном под неприлично опасным углом. Изображённый на ней отец врача стоял на балконе этого же ещё юного дома в белом парусиновом костюме, столь модным в пятидесятые, и смотрел в сторону моря. Нещадно палило солнце. Всё сияло новиз-

ной: и открытая, стеклянная ещё тогда балконная дверь, заплутавшая в тюлевых занавесях, и сам балкон, и небо с загибающейся на него дорогой.

Вдруг, неожиданно для самого себя, я обжёгся о воспоминание. Сквозь туман времени увидел, как Соня, встав на этот диван и едва дотянувшись до картины, положила за неё записку. «Если приедешь без меня сюда, хоть раз, достанешь и прочитаешь. Но ведь такого не случится? Правда?» – Я порывался сразу же ликвидировать эту возможность, но она смеялась и не пускала меня, а утром всё забылось.

Теперь с мокрыми от волнения руками, я проделывал тоже самое. Коленки дрожат, пружины под ногами на диванчике проваливаются и недовольно скрипят, а вот, дотянулся! В груди ухнуло и провалилось. Потемнело в глазах. Рука нащупала клочок бумаги.

«Кроличья нора есть, а кролика в ней нет», весело шутили буквы её почерком. Я страхнул хлопья пыли с листка, перечитал ещё несколько раз. Зачем-то начал всматриваться в почти выцветшие чернила, надеясь, наверное, найти ещё что-то. Нашел. Отпечаток её пальца, те же чернила. Спрятал в бумажник, вышел на балкон, закурил. Не докурил, выбросил. Снова достал из бумажника листок. И только теперь глаза мои поплыли влажным туманом.

Заснуть уже не получалось, опустив парус рассудка, я доверился волнам памяти.

Вот они, те дни необыкновенные: наполненные новыми запахами, вкусами, видами и голодной усталостью. Никогда ещё я столько не ходил по столь крутым горным тропинкам, виляющим дорожкам и причудливо загибающимся мостовым. По краям все эти соединительные артерии и капилляры, любого из приморских городков, были уставленными памятными стелами и восстановленными якобы из руин доисторическими строениями. Соне было всё нипочём, она с нескончаемым интересом лазала по всем этим подкрашенным достопримечательностям, и после скудного обеда состоящего из варёной кукурузы, чурчеллы и минеральной воды, бесстрашно плескалась в море с люстроподобными медузами.

В один из окончательных солнечно-ленивых дней я просто отказался куда-либо идти, утомляло однообразие подъемов и спусков, экскурсов и экскурсоводов. Тогда хозяйка комнаты, по совместительству жена врача, увидев наши скучающие лица, посоветовала после завтрака сесть в автобус и посетить гору Ай-Петри. «Уси туды ездют...», – говорила она, разливая заварочный одной рукой, в другой, на ладони, зависло в противовесе печенье в перламутровом блюде, – када уже делать нечё...».

Так мы и сделали, поехали сами по себе. От местных легенд и мифов уже набилась оскомина, потому что все они были наверняка скопированы из самого плохого путеводителя по Крыму. Обязательно кто-то из-за несчастной любви падал в ущелье или тонул в горной реке, и потом, это место злопамятные потомки называли в его честь. Не осталось ни одного камня, водопада, расщелины, просто ровного места, не принявшего участия в бурной местной жизни.

За время, пока автобус с каким-то особым рычанием преодолевал всё больше и больше дорожных петель, медленно и уверенно вползая вверх, мы сами придумали историю про название горы.

«Маленькая, глупенькая девочка по имени Петри ослушалась маму и ушла одна гулять в лес. Там она увидела большого красивого жука и решила его поймать. Так она шла за ним, не разбирая дороги, пока не оказалась на самой верхушке горы (тогда ещё без названия). Жук сложил крылья и сел на камень, висевший над глубоким ущельем, и когда девочка вступила на него, то сорвалась вместе с ним вниз. Крыльев у девочки не было, и пока она падала на дно ущелья, повторяла: Ай, ай! Ай, ай! С тех пор эту гору и называют Ай-Петри».

Эта ахинея так развеселила нас, что достопочтенные пассажиры рейсового автобуса стали на нас оглядываться – пришлось присмиреть. Но стоило произнести шёпотом: Ай, Петри, Ай! – И сдавленные смешки перерастали в содрогающиеся от беззвучного хохота плечи.

Люлька фуникулёра оказалась довольно просторной и чем дальше она с угрожающим протяжным металлическим стоном поднималась по канатной дороге, тем величественнее ста-

новились панорама. Мельчали внизу сосны. Виноградники на склонах превратились в правильно причёсанные квадраты и ромбы. Только море, укрытое сонной пеленой дымки, не понимало, что день давно начался, и не открыло ещё своих бирюзовых глаз. Потом мы въехали в облако и уже на нем, ослепшие и немного продрогшие, добрались до, казалось, висящей в тумане, приёмной станции.

Наверху всё выглядело достаточно уныло. Если не считать небольшого базарчика с местным вином. Всё непременно нужно было попробовать на каждом прилавке.

Когда ушла пронзённая солнечными лучами белёсая пелена, уже повеселевшему взору отдыхающих открылась ярко-зеленая равнина с редкими горстками оттенёнными мхом камней. Даже было странно: откуда здесь вообще люди, да ещё с таким угощением. Это почти малахитовое поле (если идти в сторону сказки) резко обрывалось невообразимой глубиной. И в уже прозрачном, отполированном солнцем воздухе, безразмерное море вдохнуло полной грудью, выгнув слегка линию горизонта, и замерло на выдохе штилем.

Я держал Соню за руку и так мы стояли на краю мира, сражённые и удивлённые его невероятной простотой и силой.

Назад ехали молча.

Уже вечером, всё ещё не решившиеся нарушить молчание, сидели на погружённой в полусвет веранде ночного кафе, а где-то внизу в подсоленной темноте неуклюже шевелились волны. Я ковырял вилкой салат и разглядывал здорового синего с отливом жука, замершего на перилах возле столика. Мне казалось, что он следит за нами. Посланный этим прекрасным Нечто, чтобы выведать наши впечатления и узнать наши планы.

«Уже пришла в себя?» – Почти шёпотом спросил я, словно опасаясь чего-то вокруг. «Не знаю...», – так же тихо ответила Соня и для уверенности пожала одним плечом.

Что-то изменилось вокруг: мысли ли стали яснее, понятнее ли поступки, только эта голубая даль, смешанная с горизонтом на горе Ай-Петри унесла все досадные мелочи и явила передо мной и Соней некую сущность чрезвычайно опасную, но справедливую и прекрасную в своём нескончаемом движении. Мы оба это понимали, поэтому сидели и молча, разглядывали свои лица, словно заново выбирали друг друга из всех, из всех на Земле, словно говорили себе: Смогу ли я с этим человеком? Потому что, вот оно, оказывается, всё как устроено, вот оно, оказывается как.

«Тебе страшно?» – прошептал я с трагичными нотками в голосе.

«Хватит меня пугать..., – вдруг весело и громко отозвалась Соня, – пойдём туда, где музыка».

Мы загромыхали стульями, и потревоженный синий жук быстро юркнул в темноту.

Ночь выдалась душистой, душной и пьяной. Столики в придорожных ресторанчиках выползли на тротуары, потому что внутри уже галдел полный аншлаг. Перекрывая друг друга, на свой лад ухали колонки у каждой незакрытой двери. В одну блестящую молнию сливались неоновые вывески, смех и гомон витал над улицей. Кое-где бесцеремонные пары выходили на проезжий асфальт танцевать, и редкие авто, в этот поздний час, удивленно шествовали мимо с выпученными из окошек пассажирами.

Я нетрезво разглагольствовал под свисавшей веткой акации с накачанным и добродушным нефтяником из Сибири. Соня с его женой хохотала о чём-то на другой стороне столика. Между нами на зелёном пластике теснились: пустые бутылки из под «Мадеры», откупоренные опорожнённые пивные банки, потрошёные пакеты с чипсами, обглоданные вяленые бычки.

Нефтяник хвастался хорошей жизнью где-то там за Уральским хребтом, рассказывал про своих собак и собачьи упряжки, периодически отхлёбывая пиво. Всё это, несомненно, было интересно, но... я поднял утяжелённые вином веки и уверенный в совершенной своей правоте сказал: «Сейчас щёлкну пальцами, и там появится...». Вяло собранный застольный звук секунду спустя явил несколько удивлённому нефтянику из-за крутого горного поворота

лихой кабриолет, блеснувший фарами из наползающей темноты. Машина медленно и почти бесшумно проплыла мимо.

«Да не может быть. Не верю... ю... ю», – промычал он, пьяно подражая Станиславскому. «Щёлкни сам», – парировал я.

Нефтяник поднатужился, покраснел, часто и алкогольно дыша, звук его щелчка оказался гораздо сильнее и мощнее. После него из-за поворота выбежала огромная псина. Её блестящие красным глаза разбавил праздничный неон. Мне на мгновение показалось, что он услышал грозный предупреждающий рык. «Видал! – Нефтяник снова отхлебнул пива из банки, – Фигня это всё, тут этих собак нерезанных толпы шныряют. Отдыхающих тока пугают».

Я ошеломлённо промолчал.

«Смотря, кто пальцами щёлкает», – буркнул я едва слышно, всё больше впадая в невероятную стадию опьянения.

Застолье переросло в братания, уходить не хотелось, но кому-то было нужно идти. Обещания приехать в гости без адреса и места назначения, были пропеты. Через небольшой провал в памяти, хлопающий меня по спине нефтяник в суровом объятии и его, ускользящая из моих ладоней, жена, исчезли. Последнее, что я помнил, это Сонины руки, шершавую кору дерева, которая больно впивалась в щеку, кабриолет выпустивший девочку, с огромным синим жуком в кармане. Она поклонилась и сказала: «Здравствуйте, меня зовут Петри». Я пытался предостеречь её от хождения на гору, но всё вдруг закружилось, завертелось: кабриолет, запряжённый в собачьи упряжки и кипарис, и лавровое дерево, и даже море голубым смерчем пронеслось мимо. Вдруг наступила тишина.

Меня заставил вздрогнуть и очнуться громкий голос врача.

«Спите беспокойно. Совесть не чиста?» – Он протягивал мне подстаканник с выдавленным на нём Гагариным и похожей на авиационную бомбу ракетой со звёздным шлейфом, застывшим у сопла. Подстаканник был заправленный полным стаканом густобордового напитка.

Чай оказался горячим и не сладким.

«Пойдём, прогуляемся. Я тебе кое-что покажу», – врач встал и пошёл в прихожую.

На улице было промозгло, но тепло. Мы прошли в молчании мимо не успевших ещё открыться кафешек, с полосатыми сине-белыми зонтиками над пустующими пластиковыми столами. Мимо магазина, где мы с Соней покупали виноград, полезли вверх по дороге, что на картине упирается в небо, дошли до предела и перевалили границу.

В самой верхней точке я успел взглянуть на море. Оно блестело внизу фольгой от шоколадки в местах, где лучи проснувшегося только что солнца пробивались сквозь облака.

Хозяин квартиры, куда, нужно сказать прямо, мы просто вломились в несусветную рань, уже не спал или ещё не ложился. Нарукавники, дермантиновый передник, сосредоточенное хмурое лицо.

«Я за фотографиями, помнишь те...», – с каким-то даже интересом в голосе произнёс мой врач. «Что приехал?» – выдавило из себя вопрос хмурое лицо. «В коробке на шкафу», – нарукавник указал в сторону доисторического шифоньера.

Я ещё не понимал о чём идёт речь, но нехорошее смутное предчувствие вползло мурашками по спине и уселось на моём левом плече.

Снимки рассыпались на столе под фотопржектором, и у меня потихоньку начало темнеть в глазах от того, что я мельком увидел. Там в черно-белом изображении того времени была и Соня, и я, и какие-то люди вместе с нами. Карточек было много. Я даже не смог сразу все рассмотреть. «Их можно взять?» – спросил я неуверенно.

«Двести баков гони», – ответило невозмутимое хмурое лицо.

На улице я вопросительно уставился на своего знакомого врача. Наверняка у меня было подходящее выражение лица, для того, чтобы он начал оправдываться.

«Ты же сам заказал у него эту услугу». – «Какую услугу?» – недоумевал я. «Тайная фотография, называется. Я же тебя к нему и приводил, а ты их не забрал».

Признаться честно, я ничего такого не помнил. Да и какая мне теперь была разница. Целую коробку с отпечатками бывшего счастья я бережно прижимал локтем к своему боку и мне нетерпелось как следует разглядеть со стороны наши безумные дни, свою единственную Соню.

С первых же попавших мне в руки снимков я понял, что многое моя память не просто упустила, каким-то непостижимым для меня образом подменила, переделала, подсунула мне готовый благочестивый, с совестью выполненный эрзац. Оказалось, что я, непоправимо, беспечно, без всякого на то права – оживлял себя, в потерянных на долгие годы, днях.

Вот фотография, где я отнюдь не с Соней, а с совершенно мне незнакомой девушкой. Наши лица рядом, словно после поцелуя и взгляд у меня не дружеский, а какой-то одурманенный, мутный. Фотограф на обратной стороне снимков поставил карандашом дату, что весьма смущало меня космическим числом дней, разделивших мою жизнь на счастливое «помню» и трагическое «не помню», но восстанавливать очерёдность событий так было всё-таки легче. Когда хронология в картинках была разложена на полу комнаты, мы с врачом начали их словесное описание.

Сначала шли наши с Соней благословенные деньки: мы на прогулке в пальмовой аллее, моё милое создание с открытым зонтиком в руках, поцелуи на волнорезе (пусть черно-белый, но видно, что закат), вот и пляжные лежаки с нашими размерёнными телами... прекрасно, воспоминания заявили о своих правах и я с ними согласился. Но дальше происходит что-то странное, после двух десятков снимков в сторону нарастания дней, на фотографиях появляются люди, которых я перестаю узнавать. Что за молодой атлет держит Соню за руку? Он больше меня раза в четыре. Кто эта девушка, что обнимает меня?

«А девушка это?» – Спрашиваю я врача, не отрываясь от картинок. «Петра, дочь моего приятеля грека, Вы же с ней на фото...это, ну, целуетесь» «Я с ней?? Вы что-то путаете уважаемый!» – Я копался в памяти и не мог найти даже намёка на указанное событие. Хотя фото этого факта я держал сейчас в руках.

«Есть возможность с ней увидеться?»

Врач, как то странно примолк и, допив остатки водки в рюмке, занюхал замусоленным рукавом: «Она погибла, упала с обрыва на машине, вон тут их сколько, на каждом повороте». «Уж не из-за меня ли?» – Вставил я ехидную фразочку. «Из-за вас, скорее всего», – ещё морщась от выпитого, сказал с придыханием врач. «Бре-е-ед!!» – Этот диалог совсем завёл меня в тупик. Но фотографии говорили об обратном. Вот я, Соня и Петра загораем все на одном покрывале.

«После того, как вы уехали, – продолжил врач, – через неделю и того». «А, вот я узнал!» – На очередном снимке сохранённый в недрах нейронов профиль нефтяника, когда мы сидели в кафе. Он почему-то с Соней, а я, наоборот, с его женой! Снимок именно эту последовательность и показывал. И тут я с ужасом начал понимать, что девушка на фото рядом с нефтяником и Соней – не жена уральского собаководы. Это и была Петра!

«Как же я мог забыть такое?» – Сказал я вслух.

Врач пожал, молча плечами, и налил себе ещё водки:

«Иногда люди, не желая помнить зло, причинённое другими, избавляются от своих воспоминаний, вернее мозг не в силах вынести такое тяжёлое бремя просто выключает страшное и ненужное, чтобы не погиб их владелец. На практике такие случаи были», – врач продолжал говорить, а в моей голове тугий, упругий, сжатый до предела, зашифрованный файл воспоминаний, посвященный Петре, неожиданно стал разворачиваться в обратном направлении.

Из наступившей тишины вынырнула голубая воронка моря и принесла с собой лавровое дерево и кипарис, поставила всё на место. Собачьи упряжки отделились от кабриолета и разбежались бродячими псами в разные стороны. Машина с открытым верхом остановилась, из

неё вышла Петра, лицо обрамлено рыжими спиральками кудряшек, и протянула мне стеклянную банку:

«Смотри, смотри, какого я тебе жука принесла! Синий, с отливом!»

Она подошла ко мне и попыталась поцеловать, но я отвернулся. И глядя на ровное убаюканное штилем море с прозрачными оливковыми проплешинами подводной растительности, встал,

прислонившись щекой к дереву. Глаза мои были полны слёз. Потому что Соня, чьи руки ещё вчера ласкали меня, только что, моя любимая и родная Соня, оставила мне в комнате на пузатом диванчике маленький клочок бумаги с цитатой из нашей любимой книжки «Кроличья нора есть, а кролика в ней нет». Что означало, ... что означало....

Ноябрь, 2011 г.

Открытие

Роман Карлович, видный мужчина пятидесяти лет, провинциальный, но заслуженный художник, недавно похоронивший мать, досадно бездействовал в своей «берлоге». Не прошло ещё и сорока дней, а он уже чувствовал её острую нехватку. Мать готовила завтраки, делала выставки его полотен и молилась на него. Но, совсем неожиданно, её разбил паралич: беспомощность, несвязная речь (про какие-то забытые кем-то ключи) и скоропостижная смерть. «Надо же! Перед самой выставкой...! Перед юбилеем!» – Нервно покручивал он свой художественный ус. Конечно, он любил свою волнительную мать, даже купил ей инвалидное кресло-каталку, но оно не понадобилось. Всё произошло слишком быстро.

И сейчас, сидя в нём же нога на ногу, посреди нагромождений своих работ, заботливо прикрытых холстиной ещё маминой рукой, Роман Карлович решал, что делать.

Всю жизнь он был ужасно холост, мать не подпускала к нему ни одну женщину, оберегая его творческий покой. Никогда и никого не любивший, был занят только красками, холстами и пленэрами, даже подбор рамок, названий, подписей и картона для них, был вне его компетенции. Местный союз художников, состоящий из таких же, как он заслуженных бородачей и усачей, ещё в начале года поставил его выставку в план на начало сентября. А теперь уже был август, дождливый и не очень тёплый, и холодок от провала такого важного события в его жизни, вместе с промозглостью опустевшей мастерской, мурашками блуждал по спине.

«Две недели... осталось две недели! А я!?» – Истерил внутри себя Роман Карлович, когда его заставил вздрогнуть резкий телефонный звонок.

Голова немного закружилась от испуга, но он встал, качнулся, чертыхнулся и дотянулся до чёрной лаковой трубки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.